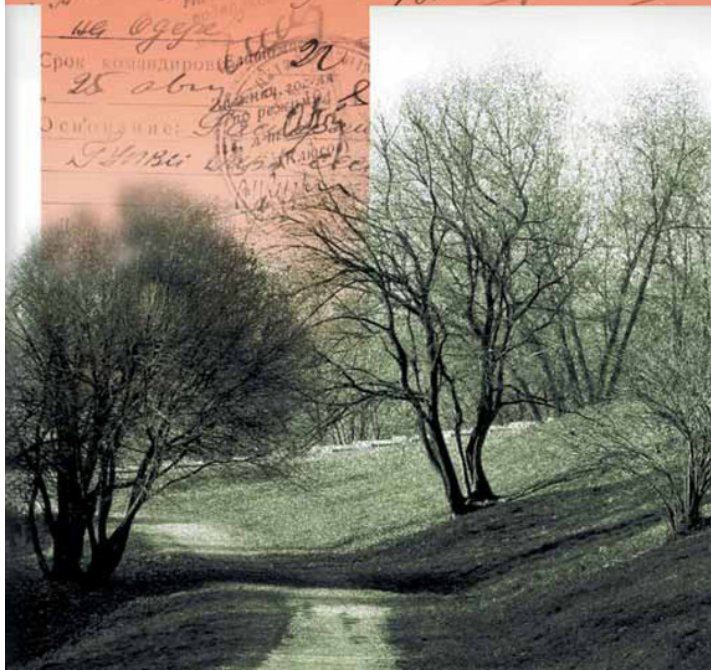

ТАЛОН УДОСТОВЕРЕНИЯ № 7288

ИНА
КУЗНЕЦОВА

ЗОНА МИЛОСЕРДИЯ

Ина Павловна Кузнецова

Зона милосердия (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8641531

Ина Кузнецова. Зона милосердия: Издательство им. Сабашниковых;

Москва; 2012

ISBN 5-8242-0128-5

Аннотация

Ина Павловна Кузнецова, врач, доктор медицинских наук. В 1945 году закончила медицинский институт и по распределению попала в спецгоспиталь для военнопленных немцев. Ее автобиографическая повесть о первых шагах молодого врача, пациентами которого стали немцы, вчерашние враги. Теперь для нее это просто больные, нуждающиеся в помощи и сострадании. Зона, обнесенная колючей проволокой, становится для нее школой милосердия, нравственного и профессионального становления. И – как продолжение истории – рассказы, над которыми Ина Павловна работала в последние годы жизни.

Содержание

Вместо предисловия	5
Зона милосердия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ина Кузнецова

Зона милосердия (сборник)

*Издательство выражает благодарность Н. Р.
Жук за помощь в подготовке книги к изданию*

© И. Кузнецова, 2005, 2011

© Издательство им. Сабашниковых, 2005, 2011

Вместо предисловия

Студенткой 1-го Московского медицинского института, я вместе со всей страной, пережила четыре тяжелых года войны. Наш выпуск врачей, первый послевоенный, был распределен во все уголки страны. Меня судьба забросила в режимное учреждение Московской области – спецгоспиталь 4791.

Госпиталь для военнопленных.

Здесь не было линии фронта. А бывшие солдаты противника стали моими пациентами.

Войны без пленных не бывает... Они ее неизбежное прямое порождение. Но кто они – эти пленные? Удивительным кажется, что военнопленные, как явление, почти не отражены в военной и послевоенной литературе. Их как будто стыдятся. А вопросов возникает много: моральных, этических, общечеловеческих.

Так кто же они? Конечно, враги! Но враги – вчерашние. Пленный – безоружен, раздавлен, уничтожен морально и живет под страхом уничтожения физического. Ну а если он к тому же еще и тяжело болен?

А ты – врач! Какова твоя роль? Что ты должен делать?

Спецгоспиталь 4791, в котором я делала первые самостоятельные, робкие шаги в профессии, стал местом, где я искала ответы на эти сложные и такие мучительные вопросы.

Коллектив, которым руководил начальник госпиталя Вик-

тор Федосеевич Елатомцев, был коллективом единомышленников. Добро, уважительное отношение друг к другу являлось его девизом. Я училась у этих людей. От них я получила первый и самый мощный заряд того, что составляет сущность нашей профессии – милосердия, в котором сконцентрированы для врача профессионализм, ответственность и любовь к больному.

Спецгоспиталь 4791 был, на мой взгляд, особенно в то время, явлением исключительным.

Оставить на земле память о нем сделалось моей непрременной задачей.

Я написала книгу...

Зона милосердия

Посвящается коллективу спецгоспиталя 4791

– Вот мы и приехали, – весело возвестил Алексей, бросив поводья.

Спрыгнув с телеги, я оказалась перед длинным одноэтажным деревянным зданием с множеством окон и дверей. Все они были закрыты. Люди еще спали. Без четверти пять утра.

Мы находились на небольшом пригорке. В некотором отдалении стоял такой же барак, за ним другой, третий. Они были одинаково неприглядны: выкрашенные грязновато-коричневой, порядком облупившейся краской постройки наводили уныние. Оно усугублялось отсутствием растительности: ни одного дерева или кустика, лишь кое-где из потрескавшейся от жары глинистой почвы выбивалась чахлая трава.

За бараками дорога спускалась в широкую лощину. Она представляла собой громадный прямоугольник, на котором ровным строем очень близко друг к другу в два ряда стояли точно такие же бараки. Между рядами проходила широкая дорога.

Рассматривая подробности, я вдруг увидела то, чего не заметила в первый момент. Весь прямоугольник был обнесен забором с многочисленными витками колючей проволоки.

Картину дополняли вышки: четыре угловые и две – по длинным сторонам прямоугольника. И на каждой – солдат с ружьем.

Невольно вырвавшееся восклицание заставило Алексея обернуться. Проследив направление моего взгляда, он удивленно спросил:

– В чем дело, ты что, не знала, куда едешь? Да, здесь госпиталь военнопленных, в основном – немцев. И это Зона.

Я молчала. Ведь я действительно не знала. В путевке стояло: «...согласно распределению, по распоряжению Мособлздравотдела направляется в Скопинский райздравотдел».

Словно зачарованная, я не могла отвести взгляда от Зоны.

Боже мой, ведь это система НКВД, тюремный режим для больных. Что предпринять? Отказаться от путевки, полученной с таким трудом? Да и как это реально осуществить? Прямо сейчас сказать, что еду обратно? Господи, какая глупость! Кто же меня повезет? Ведь мы только что проехали от станции 22 километра.

Положение казалось безвыходным.

Алексей вернул меня к действительности:

– Давай-ка я покажу тебе твою комнату.

Он снял с телеги мой скудный багаж и вошел в помещение. Машинально, словно сомнамбула, я последовала за ним. По коридору налево, вторая дверь от входа – и я оказалась в предназначенной мне комнате. Слегка продолговатая, 15–16 квадратных метров, одно окно с тюлевой занавеской, стан-

дартный набор скучной мебели: застеленная байковым одеялом железная кровать, у правой стены платяной шкаф, стол у окна, слева – тумбочка, стул и табуретка.

Алексей поставил вещи.

– Не горюй, – сказал он, – привыкнешь, у нас народ хороший.

И ушел.

Я осталась одна. Боже мой, какое убожество! Потом, словно спохватилась: да разве это главное? Главное – там, в лощине! Сколько витков колючей проволоки натянута? 10, 15, может 20?

Кругом ни звука. Я продолжала стоять посреди комнаты: мамы нет рядом и некому сказать ни слова. Что же делать?

Вдруг мысли приняли другое направление. Но для чего-то я сюда попала, после стольких перипетий и волнений? Может, это судьба?

В этот момент без стука приоткрылась дверь, показалась седая голова в белой косынке, и ласковый голос произнес:

– С приездом, доченька! В 9 часов – в кабинет начальника госпиталя, – и скрылась. Я посмотрела на часы – без пяти шесть.

Этот чужой, такой нежный и ласковый голос тронул меня до слез. Не контролируемые, они брызнули, принося облегчение.

Перед отъездом от друга нашей семьи – художника я получила в подарок картину: на большом холсте в простой вазе

роскошный букет сирени играл и переливался тончайшими оттенками лилового. Передавая ее мне, Сергей Михайлович сказал:

– Пусть это будет кусочек твоего дома на чужбине.

Именно сейчас мне очень нужен был этот кусочек.

Я достала картину, поставила ее на тумбочку. И произошло чудо – комната из чужой и унылой вдруг стала приветливой и уютной. Отчетливо почувствовался запах сирени.

И опять возникла мысль: может, все, что произошло, и впрямь не простое совпадение? Может, мой приезд сюда – это Божий промысел, и мне надо принять все как оно есть, без сопротивления?

Я открыла окно и села к столу. И как-то само собой выкристаллизовалась причудливая цепочка предшествовавших событий.

Первый послевоенный, полноценный выпуск врачей 1-го Московского медицинского института был весь целиком отправлен на периферию, на непременно полагающуюся трехлетнюю отработку.

К этому времени обстановка в моей семье была чрезвычайно трудной. Мама – юрист – уже давно не работала в связи с тяжелым заболеванием. Папа – инженер, человек далеко не молодой, из ополчения, куда он пошел добровольцем, вернулся глубоким инвалидом. Все, что можно было продать, было продано. Мы жили на мою стипендию.

На комиссии по распределению я получила направле-

ние в Тюмень. Просьба заменить путевку на более близкое к Москве назначение, подкрепленная медицинским свидетельством, была отклонена. Тот же ответ я получила в деканате и в Центральной комиссии при Наркомздраве СССР. Последняя инстанция – заместитель наркома по кадрам.

Записываюсь на прием.

Встреча с приветливо-добродушной улыбкой.

Кратко излагаю суть. Слушает внимательно, иногда любезно кивает головой.

– Конечно, мы вам поможем, несомненно, поможем, мы устроим ваших родителей в хорошие больницы, и вы спокойно поедете в Тюмень.

В первый момент я подумала, что это шутка. Заблуждение рассеялось быстро. Улыбки кончились. Когда я взялась за ручку двери, раздались жесткие слова напутствия:

– Неповиновение рассматривается как преступление, оно уголовно наказуемо.

Вернулась домой – маму лихорадило. Папу только что выписали из нервно-психиатрического отделения Соловьевской больницы.

Я совершила это преступление – просто не поехала в Тюмень.

Пять долгих месяцев мы жили под постоянной угрозой санкций. Возможность поступить на работу в Москве исключалась: наравне с дипломом требовалась справка о трехлетней отработке.

Наша соседка по квартире была швея-надомница (это слово давно уже вышло из употребления). Она шила халаты для сотрудников общепита. Я быстро освоила это ремесло и вошла с ней в долю. Так мы и жили.

Для молодого врача это был тупик.

И вдруг произошло чудо.

Неожиданно в нашем доме появилась дальняя родственница, с которой война разорвала все связи. Она тоже была врачом. Ее муж погиб на фронте. Потеряв свою квартиру во время эвакуации, она с двумя детьми обосновалась под Москвой и работала в Мособлздравотделе организатором здравоохранения.

День, насыщенный воспоминаниями и радостью встречи, промелькнул как мгновение. Утром следующего дня, забежав на несколько минут, она ничего не объясняя, унесла с собой мою ненавистную путевку в Тюмень.

Через два дня она появилась вновь.

На сей раз, как добрый ангел с переадресованной путевкой. Чудо состояло и в том, что это произошло вполне легально – ей удалось найти врача, искавшего возможность поехать на работу в Тюмень.

В моей новой путевке значилось: Мособлздравотдел направляет меня, молодого врача только что окончившего медицинский институт, в Скопинский райздравотдел.

Так пришло спасение.

Неожиданно я вздрогнула: по коридору прозвучали чьи-

то быстрые шаги.

И вновь наступила тишина.

Цепочка воспоминаний оборвалась. Я посмотрела на часы – десять минут восьмого. Как медленно идет время. Мне захотелось вновь вернуться в атмосферу тех лет. Но не получилось. Мысли шли в другом, более жизнерадостном направлении.

Прощание с мамой было грустным и тяжелым. Мама была еще очень больна. И вместе с тем мы обе испытывали радость. Наконец разрублен гордиев узел, из тупика удалось выйти. Разорван порочный круг.

А что касается путешествия до места назначения, то оно превратилось в цепь любопытных событий.

Ехала я вечерним поездом. Он был переполнен до отказа. Плохо одетые, усталые, полуголодные люди с чемоданами, мешками, узлами. Стоявших было больше, чем сидячих. Я тоже ехала стоя. Примерно через час пути стало смеркаться. Света не зажигали. Пожилой мужчина, сидящий третьим на краю лавки, слегка потеснил соседей, освободил, нет, не место, а птичью жердочку, и, обращаясь ко мне, сказал:

– Если уместись – садись.

Я уместилась. Ах, как стало хорошо! Немного поговорив, сосед задремал. Будущее представлялось мне радужным. Наверняка, это врачебный участок в каком-нибудь селе Скопинского района. Работы будет много, а я верила в свои силы.

Сосед проснулся:

– На следующей станции тебе выходить.

Тамбур был пуст. Из всего поезда на перрон я сошла одна. Была половина первого ночи. Дощатый перрон показался мне очень длинным. В противоположном его конце тускло мерцал единственный фонарь. Справа платформу окаймляла невысокая глухая стена. Слева, по другую сторону железнодорожных путей, плотной стеной стояли высокие сосны: казалось, они упираются в небо. Когда скрылись два красных огонька последнего вагона и замолкли звуки поезда, наступила перевозданная тишина. Все молчало: и звезды, и сосны, и ветер, а людей не было. Только мои негромкие шаги по деревянному настилу нарушали это безмолвие.

На мне был пестрый ситцевый сарафанчик с кофточкой-распашонкой, носки и туфли на низком каблуке. В руках – небольшой чемодан и мешок с картиной. Я медленно шла и наслаждалась тишиной.

Все казалось нереальным, словно из другого мира, походило на сказку: и сосны, и звезды, и далекий, какой-то призрачный фонарь, и эта удивительная звенящая тишина. Шла медленно, и мне начинало казаться, что я одна в целом мире. Не испытывая ни страха, ни беспокойства, я даже не затрудняла себя вопросом: Как же быть? Что делать дальше?

Было на редкость хорошо и легко.

Между тем я почти подошла к фонарю. Стена справа закончилась строением, похожим на станционный зал ожида-

ния. Дверь была открыта настежь. Я вошла. Неметеный пол с разбросанными бумажками, облупленные стены, с закопченного потолка на длинном зеленом шнуре свисала мутная лампочка, почти не давая света. Окошечко с надписью «Билетная касса», было наглухо закрыто. На криво приклеенной бумажке сообщалось, что билетов нет. Кругом ни души. Задумалась – что же делать? В путевке было указано, что к поезду будет выслана машина. Собираясь выйти из этого неприятного помещения на свежий воздух, в правом углу станционного зала на одной из лавок, расположенных вдоль стен, я вдруг увидела лежащего мужчину в брезентовом плаще и сапогах. Он крепко спал. Его седая пышная борода струилась, достигая пола и частично распространяясь по нему отдельными прядями. Подошла поближе, чтобы разглядеть это фантастическое зрелище. В этот момент со скамейки из левого угла зала поднялась другая, не замеченная мной, мужская фигура и направилась прямо ко мне. Это был невысокий парень, одетый в зеленую куртку военного покроя, и в такие же брюки, заправленные в сапоги. Из-под сдвинутой на бок серовой фуражки на лоб падал завиток рыжих волос.

– Ты не доктор ли? – спросил он добродушно.

– Да, – ответила я.

– Так тебя дожидаюсь, я и задремал маленько, – сказал он несколько смущено. И затем тут же уверенно:

– Ну, поехали.

У двери оглянулся:

– Давай покляжу, поди, тяжело тебе, уж больно щуплая.

Мы вышли на перрон. Та же ночь, те же звезды, те же сосны. Но сказка уже улетучилась, все стало будничным.

А где же машина? – подумала я.

По шатким ступеням спустились мы с перрона и обогнули вокзал. На лужайке, привязанная к столбу, стояла чудесная бурая лошадка, запряженная в телегу. Она медленно двигала челюстями и помахивала хвостом. На телеге высилась небольшая копна сена. Парень заметил мое замешательство.

– Аль москвичам такой транспорт не по душе? У нас две машины, и обе в ремонте. Вчера самого начальника на этой вот лошадке возил. Так что садись. Давай подсоблю, небось, сама не сумеешь.

Я, легко вскочив, окунулась в душистое, колкое сено.

– Ишь, ты, – пробурчал он себе под нос и натянул поводья.

Лошадка встрепенулась, и мы тронулись. Скоро выехали на проселочную дорогу, ровную, широкую, хорошо утрамбованную, каких до сих пор бесконечное множество на Руси.

Все воспринималось как сказка. Особенно для человека, живущего в городе, долго никуда не выезжавшего. Это был совсем другой мир иной, незнакомой, планеты. Аромат ночи сливался с ароматом свежей высушенной травы, вызывал легкое головокружение. Ощущение усиливал ритмичный бег лошадки, мягкий стук ее копыт, нежное пофыркивание. В эти звуки вплеталось чуть слышное поскрипывание

правого заднего колеса телеги. Эта фантастическая симфония ночи будоражила воображение, рождала мечты, звала в неведомое.

Довольно долго мы ехали по открытой местности. Когда дорога пошла лесом, нас словно окутал туман, стало совсем темно, мрачно и таинственно. Но страха не было.

И странно – все тревоги и беспокойства последних месяцев, порой доводящие до отчаяния болезни родителей, безденежье, моя неустроенность с угрозой расплаты за неповиновение – все, тяжелым камнем лежавшее на душе, вдруг исчезло. Дышать стало свободно и легко. Появилась уверенность, что вот-вот все устроится, уже начало устраиваться. Мама выздоровеет, я начну работать, денежные проблемы отступят. Парень упомянул госпиталь, а это не какой-нибудь медицинский пункт в селе. Я буду работать в госпитале, лечить солдат с послевоенной патологией. Наверняка там имеется хирургическое отделение. Я непременно настою, чтобы меня направили туда.

Лес стал редеть. На горизонте появилась светлая полоса, она расширялась.

– Доктор, ты что, аль задремала? – вдруг раздался насмешливый голос.

Я поняла, что ему надоело ехать молча.

Мы разговорились. Его зовут Алексей, здесь он работает более двух лет. Победа застала его на пункте призывников, и он был направлен в госпиталь. Здесь он «и шофер и кучер, и

по мелочам на подхвате». Мечтает стать классным шофером, жить в городе и возить генерала, особо отличившегося на войне.

Дорога упиралась в горизонт. Светлая полоса над ним стала широкой. Но солнце еще не взошло. Впереди вдруг сверкнула неширокая речка в пологих берегах. От нее доносился неясный шум, усиливающийся по мере приближения. На всем ходу мы въехали на дощатый мост. На его середине Алексей рывком остановил лошадь. Я еле удержалась в телеге. На мое восклицание Алексей оглянулся и шепотом приказал:

– Молчи, смотри и слушай!

Я увидела нечто ошеломляющее: оба берега реки в предрассветном полумраке представляли собой сверкающую, переливающуюся непрерывно шевелящуюся массу. Наступающий рассвет, причудливо отражаясь на ее поверхности, зажигал ярко вспыхивающие очаги лилового, синего, красного, зеленого, желтого. Они сливались, переходили друг в друга, терялись в полутьме и опять, уловив световой луч, загорались новыми красками.

Оказалось, что эту сверкающую массу образуют различного размера лягушки, сидящие вплотную друг к другу, сотни, тысячи лягушек. Все они были ориентированы на восток – навстречу восходящему солнцу. При этом лягушки левого берега были обращены к воде, в то время как на правом берегу, они сидели к реке спиной. И вся эта сверкающая ше-

велящаяся масса квакала.

Но как! Это был концерт. И им управлял дирижер. Где он находился – неизвестно, но он явно присутствовал. Звук не был однотонным, скучным и серым. Он варьировал в высоте и силе, отчетливо улавливалась мелодия. То вдруг среди общей пестроты более явственно зазвучали низкие ноты и руладой пронеслись по лягушачьему оркестру. Потом внезапно, словно из нее выпали басы, над рекой поплыл тоненький, нежный звук, напоминающий шелест сухих листьев в осенний день. Звуки рождались не всей массой, возникали откуда-то издалека справа. Потом такой же очаг звуков возникал слева. Эта фантастическая переключка повторилась несколько раз.

И вдруг, в концерт включились все лягушки. Завораживающее многоголосье долго разрывало тишину, посылая к небу фантастические рулады. Затем они словно разбежались, рассыпались повсюду, притихли, стали общим, чуть слышным фоном.

Словно зачарованная стояла лошадка. Алексей закрыл глаза, на его лице играла блаженная улыбка. Я сидела, затаив дыхание, забыв обо всем на свете.

Сколько времени прошло – сказать трудно. Ночь отступила. Светлая полоса на горизонте ширилась и заняла уже полнеба. Хор еще звучал, но менее бравурно. А вскоре слышались новые звуки, похожие на всплески воды. Музыканты удалялись. Концерт был окончен. За считанные минуты бе-

рега опустели. Наступила тишина. Поднявшись наполовину над горизонтом, солнце осветило равнину.

Алексей открыл глаза.

– Вот и все, – сказал он, и мы тронулись.

Оказывается, Алексей уже два года знает об этом фантастическом явлении. Однажды старый крестьянин из соседней деревни рассказал ему, что регулярно, один раз в год, в середине июня, 15–17 числа, в зависимости от погоды (не должно быть дождя), ночью – ближе к рассвету, из этой небольшой речки все лягушки вылезают на берег, и, ориентируясь навстречу солнцу, устраивают концерт. Он длится полтора-два часа и прекращается с восходом солнца. Алексей всегда стремится на него попасть. Поэтому, хотя очередь была не его, он и вызвался меня сегодня встречать, чтобы еще раз насладиться этим необыкновенным явлением.

Ни раньше, ни позднее я нигде не встречала ни одного упоминания о подобном, ни в книгах, ни в рассказах. Но ведь это не только сюжет для восхищения. Он – часть окружающей нас живой природы. Должны же натуралисты хоть что-нибудь об этом знать! Три года спустя, вернувшись домой после окончания работы в госпитале, я начала поиск. И нигде ничего не нашла. Ни в энциклопедиях – общей и специальной, ни в книгах, посвященных природе и миру животных. Немного позднее я спросила об этом случайно встреченного зоолога. Он сказал, что однажды слышал, как он выразился, «обывательский рассказ», что иногда лягушки

выходят из воды и квакают навстречу восходящему солнцу и что это предвещает плохую погоду. А много лет спустя, на концерте в консерватории, берлинский симфонический оркестр исполнял симфоническую картину живой природы Иоганна Маттезона. На фоне пестрого многоголосья, в котором слышалось пение птиц и шорох растущей травы, шум ветра и сухой треск ломающихся веток, лилась однообразная мелодия. Она то текла непрерывным, монотонным потоком, то вдруг обращалась в цепь коротких, следующих друг за другом звуков различной высоты, а затем вновь восстанавливалась ее тягучая непрерывность. Так солирующая скрипка имитировала лягушечьи рулады. Я вслушивалась в эту скучную мелодию.

И тут внезапно, словно по волшебству, услужливая память распахнула свои затворы двадцатилетней давности. И рядом с этой мелодией, в это трудно поверить, зазвучала та, другая – торжествующий хор лягушачьего концерта. И какое-то время они шли рядом. Они были чуждыми и противостояли друг другу, Маттезон явно не слышал настоящего лягушечьего пения. Но я очутилась на какое-то мгновение во власти той сказочной июньской ночи. Затем видение исчезло. Я вновь была в консерватории.

Но все это было далеко, далеко потом.

А теперь в моей новой комнате...

Я вздрогнула от внезапно открывшейся двери. Мелькнула та же седая голова в белой косынке, и тот же ласковый голос

с укоризной произнес:

– Что ж это такое? Уже без десяти девять, пора, пора.

Я надела самое лучшее из своих трех платьев и вышла на улицу.

Дирекция находилась в следующем корпусе.

Сейчас все решится – думала я.

Хотя мысль об отказе от работы и возврате домой еще вертелась в голове, должна признаться, она уже потеряли свою остроту. Главное же – явно не доставало аргументов в пользу подобного решения. И уже совсем было не ясно, что делать дальше в случае, если эта идея с отъездом найдет понимание у здешнего начальства.

Так ничего для себя и не решив, ровно в 9 часов я вошла в кабинет начальника госпиталя.

Просторная комната, на стене напротив двери два окна. Между ними – большой портрет Ленина. Под ним – громадный письменный стол. За ним в массивном кресле, лицом к двери, в полной форме полковника медицинской службы восседал начальник – Виктор Федосеевич Елатомцев. Мощная фигура, на квадратных плечах, почти без шеи, такая же квадратная голова с густой седой шевелюрой. Массивный нос над величественным подбородком и сравнительно небольшие, слегка прищуренные глаза. В этот момент они были устремлены на меня. Поджатые губы придавали лицу неприветливое, слегка насмешливое выражение. Массивные руки с толстыми пальцами покоились на столе. От всей фи-

гуры веяло уверенностью и надежностью. По торцам письменного стола сидели, как оказалось, заместители: очень худой, с приветливым выражением, на вид значительно старше начальника – руководитель лечебной части, первый заместитель начальника – Сергей Дмитриевич Пустынский, в военной форме без погон. И маленький, кругленький, в штатском – руководитель хозяйственной части Михаил Абрамович Гуревич.

Перед столом в центре кабинета в четыре ряда стояли стулья. Их занимали врачи в белых халатах. Преобладали женщины.

Конференция еще не начиналась. Присутствующие тихонько переговаривались друг с другом.

Дверь в кабинет была полуоткрыта, я остановилась на пороге и громко, ни к кому не обращаясь, сказала:

– Здравствуйте.

Разговоры мигом стихли, и все уставились на меня.

Я была в матроске с большим голубым воротником, золотистые волосы натуральной блондинки были коротко подстрижены, с короткой челкой.

Не получив никакого ответа на свое приветствие, я подошла к столу начальника, отрекомендовалась и положила прямо перед ним диплом, путевку и паспорт.

В кабинете было очень тихо. Взгляд начальника медленно скользнул по моей фигуре, затем он взял документы, перелистал их, еще раз мельком взглянул на меня и достаточно

громко и отчетливо произнес:

– Господи, какая зелень! – Затем, уже совсем громко, обращаясь к Пустынскому:

– Что же это за безобразие, опять то же самое, ведь я четко написал: нам нужен хирург, – и вот ответ.

Этот нелюбезный прием меня озадачил, на какой-то миг мысль отказаться от работы снова взяла вверх. Мной владели, сменяя друг друга, различные чувства. Наконец, победило стремление самоутвердиться, и я уверенно произнесла:

– Я и собиралась работать хирургом.

На лице начальника вспыхнула насмешливая улыбка, сзади раздался приглушенный смех. И тут Пустынский, ласково улыбнувшись, обращаясь ко мне, сказал:

– Так это же замечательно. Вы нам очень подходите.

Добрый человек бросил мне спасательный круг.

– Хорошо, – категорически сказал начальник, – после конференции разберемся. Садись.

Я обернулась: было два свободных стула – в первом ряду, прямо перед носом начальника, и в последнем ряду. Я, естественно, выбрала второе.

– Э, нет, – услышала я приказной тон. – Садись здесь, – он указал на передний стул.

Так за мной это место и закрепилось на все три долгих года. Равно как и слово «зелень», в виде доброй дружеской насмешки. Я ведь действительно была совсем «зеленой».

Правда, и здешние врачи не были старыми, но все же

опытнее меня. Самый молодой врач в коллективе оказался старше меня на десять лет. Может быть, по этой причине, а может и без всякой причины, с первого раза, обратившись ко мне на «ты», Елатомцев утвердился в этом на все последующие годы моей работы в госпитале. Всем остальным врачам он говорил «вы». У нас с ним сложились хорошие, доверительные отношения. Я глубоко уважала его за справедливое отношение к людям, безоглядную прямоту, честность, любовь к больному человеку.

Началась конференция. Сидя перед «ясными глазами» руководителя, я пыталась вникнуть в суть происходящего. Но это никак не удавалось. Слишком сильным было впечатление от оказанного мне приема. Пережитый эпизод явился для меня вполне заслуженным уроком. Я ведь совершенно серьезно рассуждала сама с собой, подойдет ли мне работа в этом госпитале. И в глубине своего сознания отвечала на этот вопрос скорее «нет», чем «да».

Но ведь ни на одну секунду не возникла мысль, а подойду ли я ему, госпиталю?

Пережитая психологическая передряга оказалась достаточно сильной. Она, безусловно, повлияла на все мое дальнейшее мировосприятие. А ее сиюминутное значение оказалось еще более очевидным: мысль о возможности отказа от работы просто выпала из моего сознания.

Конференция закончилась. Все направились к выходу. Вдруг до меня донесся голос начальника. Стоя у стола, он

говорил Пустынскому:

– Пусть она сегодня устроится. А завтра с утра отведите ее в 13 корпус, ее надо учить у Аренгольд, это получится лучше всего.

Я поняла, что речь идет обо мне. Начальник вышел.

Мы остались с Пустынским.

– Ну вот, все решено, – сказал он, – идите, устраивайтесь, все разговоры на завтра.

Мы расстались.

Я вышла на улицу. Теплый летний дождь. Зона оцетинилась всеми витками своей колючей проволоки. Она по-прежнему устрашала, но все-таки не так остро, как при первом знакомстве.

Кажется, все вопросы моего устройства решены. И так просто – странно. Ведь это режимное учреждение в определенной системе, которая всем была достаточно хорошо знакома. А, между прочим, меня не спросили – комсомолка ли я, член ли партии? Никакого инструктажа относительно поведения в Зоне.

Так просто: «Отведите ее в 13-й корпус, пусть Аренгольд поучит».

А кто такой Аренгольд? Я подумала, что это врач. А может, это и есть инструктор НКВД. Он будет мне объяснять, как я должна говорить и общаться с больными!

Я вошла в свою комнату. Что ж, поживем – увидим, а сейчас надо устраиваться.

Переставила мебель. Разобрала и разложила по местам вещи. На кровать положила красивое покрывало, а на стол – нарядную скатерть. На тумбочку пристроила довольно большое овальное зеркало. С какой любовью все эти вещи выбирала и укладывала мама.

В коридоре случайно столкнулась с мужчиной, в руках у которого увидела молоток. Господи, как повезло! Я позвала его в комнату, и мы с ним повесили картину. Это был последний штрих. Комната стала неузнаваемой. Изумился и мой помощник. Уходя, очень тепло и искренне пожелал мне счастья на новом месте.

Когда я все закончила, было уже около 7 часов. Сильно уставшая от бессонной ночи, новых впечатлений, напряженных раздумий и переживаний, тоскливого одиночества без мамы, я легла спать засветло.

Проснулась от непонятного непрерывного стука.

Ночь. В окно глядится полная луна. В ее свете я разглядела маленькую фигурку: вытянувшись изо всех сил, мальчик маленькой ручкой непрерывно стучал в окно. Я распахнула ставню. Мальчик, задыхаясь, видимо от волнения, затараторил:

– Тетенька, тетенька, это вы – доктор, сегодня приехали из Москвы?

Ему было лет 10–11. Я полностью раскрыла окно.

– Да, – ответила я.

– Скорей, скорей, – голос мальчика срывался и дрожал.

– Скорее, дедушка подавился костью, он умирает.

Инстинктивно, не рассуждая, я накинула халат и выскочила на улицу. Мальчик мчался стрелой. Я умела бегать, скоро догнала его, и мы, не разбирая дороги, мчались вровень. Оказалось, что слева, за нашим баракком находилась деревня – крестьянские избы в один длинный ряд. Все они были погружены во мрак. Лишь в одной ярко светилось окно.

– Вот, – крикнул мальчик, указывая на него рукой. Мы были уже совсем близко. В абсолютной тишине я услышала надсадный кашель и тяжелый стридор дыхания.

И тут до меня дошло. С моей стороны это был совершенно безответственный поступок. Вместо того чтобы позвать кого-нибудь из здешних, опытных врачей (они жили рядом), я самоуверенно кинулась все делать сама. Этому не было оправдания. Ведь если кость застряла глубоко в глотке или в пищеводе, помочь я не смогу. Но ничего уже изменить было нельзя. Мы были почти у дома: вдруг кашель и хрипы прекратились. Ужас, охвативший меня, описать невозможно. Волосы стали мокрыми, сердце несосчитываемыми ударами колотилось о ребра. Мы одновременно, толкая друг друга, вбежали в избу.

На лавке перед большим столом, заставленным посудой, улыбаясь, сидел красивый старик крупного телосложения с длинной роскошной бородой. От только что пережитого напряжения его лицо было красным. С победоносным видом в поднятой руке он держал большую рыбную кость.

От всех безумных переживаний у меня подкосились ноги – я почти упала на лавку.

Когда после всех душевных разговоров и чая с медом я вышла на улицу, часть солнечного диска уже поднялась над горизонтом. По приказу бабушки Вася проводил меня до дома.

– Тетенька, приходите к нам в гости, – сказал он на прощание.

Я остановилась у своего порога и взглянула на небо. Оно было чистым и ясным. На душе – радость, нет, не радость – счастье, громадное счастье. Я поблагодарила Бога и маму.

Несколько часов спустя, выходя из своего подъезда, я почти столкнулась с начальником и Пустынским. Прогулочным шагом они шли на конференцию. Я остановилась и поздоровалась. Елатомцев тоже остановился. Обращаясь к Пустынскому, он сказал:

– Ну и сотрудника мы с тобой получили: одной ночи не переночевала, а уже стала знаменитостью. – И с полуоборотом в мою сторону продолжил:

– Дела не было, а слава уже гремит.

Я промолчала. А что можно было ответить?

На конференцию я вошла уже с некоторым ощущением своей причастности к происходящему. Поздоровалась с врачами. Персонально ни с кем из них я еще не была знакома. На мое приветствие они ответили по-товарищески хорошо. Однако по нескрываемому любопытству на некоторых лицах

я поняла, что моя ночная история им тоже известна.

Студенткой последних курсов я, чтобы ближе приобщиться к хирургии, часто ходила на ночные дежурства в клинику, когда дежурил педагог нашей группы. И нередко на срочных ночных операциях мне выпадала удача «постоять на крючках», либо наложить лигатуру, а то и зашить кожную рану. Иногда после такого дежурства мне случалось бывать на утренних конференциях клиники.

Местная конференция по сравнению с теми, институтскими, проигрывала в масштабах и научности обсуждений. Однако построение было таким же: доклад дежурного врача о событиях ночи, обсуждение тяжелых больных, план сегодняшнего дня и организационные вопросы.

Елатомцев вел конференцию в строгом режиме, заинтересованно вникал в подробности, задавал вопросы, в ответах требовал кратких точных формулировок. Срывался редко. А когда это случалось, бывало страшно.

После конференции я ждала Пустынского, чтобы идти в 13-й корпус на встречу с Аренгольд.

Я остро помню неудобное, давящее ощущение: сейчас я должна впервые войти в Зону. Мы, советские люди, кое-что знали из этой области. Здесь слово «Зона» было у всех на устах, привычно, буднично, обыденно. К примеру, никто не говорил: «пойти в госпиталь» или «в корпус». Всегда только: «В Зону, из Зоны, в Зоне».

Мною же это слово всегда воспринималось иначе. При

первой встрече это громадное пространство, ошетилившееся колючей проволокой, потрясло меня. Я восприняла его как живое, злобное существо, угрожающее каждому, кто входит с ним в контакт. В первую ночь я даже видела сон: нечто страшное, бесформенное, окутанное острыми колючками, подобное гоголевскому Вию, надвигалось на меня. А вокруг многоголосое эхо, разносило слова:

– Это Зона, это Зона, это Зона.

Проснулась, дрожа от ужаса, и почувствовала, что не смогу войти в Зону. Летнее утро унесло страх, но неприязнь осталась.

Мы с Пустынским подошли к Зоне и вошли в проходную. Нам навстречу поднялся дежурный вахтер с довольно мрачным видом. Или это мне показалось?

Мы поздоровались.

– Вот, нового доктора веду, – приветливо произнес Пустынский.

Вахтер тоном автомата произнес:

– Пропуск!

Я протянула только что полученную книжечку. Вахтер, не шевелясь, несколько секунд смотрел на меня, а затем тоном строгого наставника сказал:

– Надо читать, что написано: пропуск подается в раскрытом виде.

Я повиновалась.

– Ну-ну, – произнес Пустынский примирительно. Вахтер

взял пропуск. Что там было изучать – не знаю. Дежурный рассматривал его довольно долго.

Я проработала в госпитале три года. Установленный парадоксальный порядок не изменился ни на йоту. В проходной работали четыре сотрудника режимного ведомства. В быту это были нормальные, вполне приличные люди. Их всех я называла по имени. Встречаясь со мной вне Зоны, они вежливо здоровались, иногда мы обменивались дружественными репликами. Но закон проходной оставался незыблемым: пропуск я должна была подавать в развернутом виде.

– Порядок есть порядок, – говорили они.

Наконец, формальности с пропуском были окончены, и я подошла к двери, открывающейся непосредственно в Зону.

И страшно и любопытно.

Свершилось – я переступила через порог. Никаких неожиданностей – почти та же картина, что видна извне. Правильный прямоугольник громадных размеров. Прямая, хорошо утрамбованная широкая дорога пересекает его по длинной оси. Одинаковые, длинные одноэтажные корпуса барачного типа, торцовым концом обращенные к дороге, стоят по обеим ее сторонам. Дорога слегка приподнята над фундаментом корпусов. Ее откосы, словно ковром покрыты густым зеленым газоном. По нему, с дороги, до единственной двери каждого корпуса, расположенной на торцовой стороне, сбегает узкая тропинка, посыпанная желтым песком. Эта деталь разнообразит скучный пейзаж.

В правом дальнем углу, выбиваясь из общего ряда, располагается корпус для больных туберкулезом – здесь преобладает легочная локализация преимущественно в открытой форме. Доступная госпиталю изоляция этих больных соблюдается неукоснительно.

Все остальные корпуса, лечебные и хозяйственные, занимают центральный и левый отделы Зоны.

Порядок и безукоризненная чистота Зоны поддерживается специальной службой из выздоровевших больных. Они живут в специальном, «хозяйственном» 10 корпусе.

Наконец мы у цели – входим в 13 корпус. Длинный коридор через все здание. По обеим сторонам одинаковые палаты – квадратная комната в два окна, в каждой шесть коек. В первой половине корпуса – кабинет начальника отделения, в середине – ординаторская, во второй половине – хозяйственные помещения. Все клинические отделения построены по этому стандарту.

Когда мы с Пустынским вошли в кабинет заведующего, нам навстречу из-за письменного стола поднялась грузная женщина лет пятидесяти. Густые черные волосы с большой примесью седины тугим пучком заколоты на затылке, прямой нос, сжатые губы, не улыбающиеся глаза. Из-под халата выглядывало платье из красивого серого шелка, застегнутого у ворота перламутровой брошью. На ногах – серые туфли на небольшом каблучке.

Оказалось, что это та самая приятная седая дама, на ко-

торуя я вчера обратила внимание на конференции. Она мне показалась старшей среди всех врачей, не только по возрасту, но и по какой-то особенной осанке.

Это и была Аренгольд Фаина Александровна. Мои опасения относительно сотрудника НКВД, слава Богу, отпали. Однако выявилось другое: это оказалось терапевтическое отделение, а не хирургическое, о котором я мечтала.

Делать было нечего – я смирилась.

После обычных приветствий Сергей Дмитриевич Пустынский с улыбкой произнес:

– Дорогая Фаина Александровна, как было приказано начальством, из рук в руки передаю вам на воспитание сие молодое дарование, – он нарочно подчеркнул рифму. В его словах мягкой ласки было много больше, чем насмешки. Обидным не показалось.

Он тут же попрощался.

Я волновалась и чувствовала себя очень неудобно.

Волнение обостряет все чувства. До сих пор помню угнетающую обстановку кабинета, где мы остались вдвоем. Лишь роскошный букет полевых цветов в простой стеклянной банке на кругленьком столике перед плохоньким диваном, да монотонное жужжание мухи, ударявшейся о стекло дальнего окна, смягчали мое напряжение.

Обстановка оказалась более чем официальной. Я внутренне поеживалась от неприветливого голоса Фаины Александровны, угрюмого взгляда – ни тени улыбки, ни одного

теплого слова юному существу, отданному ей на воспитание. Она перекладывала на своем столе какие-то бумаги. Я стояла там, где меня оставил Пустынский, ища, на чем бы остановить взгляд.

Молчание затягивалось.

– Ну, Ина Павловна, давайте знакомиться, – усталым будничным голосом, наконец, произнесла Фаина Александровна, отойдя от стола.

Мы сели. Спокойно, сосредоточенно, она стала задавать вопросы о моих родителях, моем детстве, школьных годах и институтском периоде. Не меняя тона, последовательно, в хронологическом порядке, словно перед ней лежала ранее заготовленная анкета, она спрашивала о моих увлечениях, интересах, дружеских привязанностях – вдавалась в подробности.

Это походило на допрос. Тон оставался ровным, вежливо-отстраненным, без теплоты в голосе и без улыбки на лице. Лишь изредка в устремленных на меня немигающих глазах вспыхивал интерес.

Но, странное дело, в этих вопросах, задаваемых сухим тоном, под холодным взглядом небольших карих глаз, чувствовалась какая-то своеобразная человеческая заинтересованность. Не праздное любопытство руководило ею. Вникая в подробности жизни чужого, впервые встреченного человека, она словно что-то искала. Но искала не вообще, а персонально для себя.

Это было удивительным.

Но не менее странным – просто невероятным, было и другое: я, никогда никому не рассказавшая свою родословную, вдруг, находясь в Зоне, за колючей проволокой, в режимном учреждении, впервые спокойно и открыто, без всяких сомнений, поведала то, что никогда не афишировалось нашей семьей.

Что мама происходит из не очень богатого, но знатного дворянского рода, окончила юридический факультет Московского университета в год революции. Что папа – сын деревенского кузнеца, имеет два высших образования, еще до революции в течение 6 лет учился и стажировался в Германии. И многое, многое другое, впервые произнесенное, услышала от меня Фаина Александровна в тот памятный день.

Наконец, допрос был окончен.

Фаина Александровна сидела такая же неулыбчивая, суровая, замкнутая. Помолчали. Она задумалась. Потом сказала:

– Нравственный паритет требует и моего рассказа.

Это было еще более удивительным. Просто невероятным. Она рассказала о себе.

Родилась в Одессе, в большой еврейской семье. Училась в Киеве, окончила медицинский институт и по склонности стала терапевтом. Убежденно считает медицину матерью всех наук. Мобилизована в первый день войны. Сначала-

ла – тыловой госпиталь, а дальше – прифронтовые, под Сталинградом и на Курской дуге. До Берлина не дошла. Под Кенигсбергом случился тяжелый сердечный приступ, долго болела, после чего демобилизовалась. Возвращаться было некуда. Все ее многочисленные родственники погибли. Уцелел лишь один брат, инвалид войны. Живет в небольшом поселке под Тулой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.